

А. А. Джагарян³

ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: АРХЕТИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная юридическая антропология склонна связывать правовую жизнь, состояние права и перемены в нем с мировоззрением и религиозно-этическим состоянием общества, полагая исходным источником нормативности саму человеческую личность, определенным образом освоившую сложившийся социокультурный контекст. Религиозно-этический фактор небезосновательно осмысливается среди истоков формирования и осуществления типов правовых тра-

диций с характерными отличительными признаками правопонимания. Впрочем, правовые чувства, образы, представления, навыки, как и нормы, институты, сформировав некие традиции, также влияют на религиозность и этику, настраивая на их восприятие и освоение через укоренившиеся свойства юридического мировоззрения. Более того, правовые явления могут претендовать, выражая общесоциальное регулирование, на заметный мифологический статус, отчетливо различимый, между прочим, в основополагающих, наиболее обобщенных и содержательно насыщенных правовых категориях, не исключая правосудие.

Суд архетипичен и универсален, он возникает у каждого народа спонтанно в ходе относительного усложнения внутренних связей и структур⁴. Неслучайно идея суда, широко востребованная в основных религиозных картинах мира, приобретает эсхатологический и экзистенциальный смысл. С правосудием может быть прочно связана вера в утверждение высшей, божественной справедливости, в осуществление ду-

³ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 160 научных работ, в т. ч. монографий: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России» (в соавт.), «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» (в соавт.) и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

⁴ См.: Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 243.

ховного преобразования и очищения, в спасение души. Можно вспомнить суд Осириса в Древнем Египте, Нибеса Ямы — Мира Вершащих Суд в буддизме, Страшный суд в авраамических религиях.

Пристальный юридический взгляд, ставший привычным, не оставляет, однако, религиозно-этические образы незатронутыми, располагая к юридически уместным их интерпретациям. Правовая традиция, питаемая стремлениями к индивидуальной свободе, автономии, рациональности, формальному равенству и прагматизму, комплементарна трактовке религиозного мифа, где человеческая история оказывается своего рода судебным актом, вселенским судом: «Бог — судья, человек — подсудимый, Христос — адвокат и дьявол — прокурор»¹.

Не вдаваясь в обсуждение подобного рода вероучительных трактовок, как и конкретных связей правосудия с бытующими в обществе религиозно-этическими настроениями, важно, однако, отметить тот, вероятно бесспорный, факт, что образ правосудия, составленный из качеств независимости и беспристрастности, справедливости и равенства, доступности, гласности и состязательности, является не только атрибутивным в государственно-правовой традиции, конституционной по своему характеру, но и устоялся как необходимый элемент «символа веры» воспринявших конституционное мировоззрение гражданских политических наций, каковым, без сомнения, стала конституция². Без широко разделяемой, и не одними только добропорядочными людьми, веры в правосудие, способное действовать в едином масштабе свободы, утверждая воплощенный в нем минимум справедливости, принимаемый от суда и теми, кто от закона отступил, невозможно представить конституционное мировоззрение, конституционализм.

Еще римская догма возвела правосудие в синоним справедливости, на уровень основ государства, объявив: «*Justitia regnorum fundamentum*». Подчеркивая гуманистический смысл этой формулы, ее ценность в конституционном праве и государственности, А. Ф. Кони заметил, что *justitia regnorum fundamentum* постольку, поскольку «там, где идет дело об отношениях целого общества к своим сочленам, об ограничении их личной свободы во имя общего блага и о защите прав отдельных лиц... справедливость должна находить себе выражение... в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека»³. Живой суд необходим для живого права, в котором личность могла бы не только обрести

повседневную устойчивую опору для самореализации и развития, но и воспринять пределы страстей, устремлений и действий, вредоносных для человека, участвующего в конституционном правопорядке, и общества, его утвердившего.

Судебная власть, интерпретируемая конституционным образом, имеет в своей основе прежде всего личностное измерение. Право на судебную защиту, вошедшее в универсальные каталоги прав человека, не производно от других основных прав (например, по разделу гарантий, к каковым оно порой причисляется). Права человека не делятся и не ранжируются. Оно дает автономную и неопровержимую (в конституционной парадигме, разумеется) ценность в возможностях человека, пользующегося равно признаваемым достоинством, спорить с другими такими же субъектами гражданского общежития и государством, обществом, муниципально-территориальным органом; связывает равным образом саму судебную власть, которая не может отказом в правосудии поставить права и свободы человека под сомнение. Правосудие — необходимый аспект равноправия, без которого оно утрачивает смысл. Вместе с тем, институционально воплощая судебную защиту, правосудие призвано утверждать и поддерживать основанный на конституционализме правопорядок, гарантировать верховенство права⁴, обеспечивать ответственность правительств и органов государственного управления, соответствие законов всем положениям конституции или права более высокого уровня⁵.

Сложившееся понимание права на судебную защиту как важнейшей гарантии всех других прав и свобод возвышает правосудие, призванное смирять и умиротворять власть и общество, дисциплинировать личность законопослушанием, основательностью притязаний, уважением к процедуре, ответственностью и эквивалентным воздаянием за содеянное, а также той безусловно необходимой в демократическом государстве причастностью к правовому творчеству, которая только в судебном процессе может получать наиболее непосредственное, жизненное наполнение, давая правомерному интересу личности, ею заявляемому и отстаиваемому, правообразующее значение и силу.

Правосудие всегда вписано в конкретный социокультурный, исторический контекст, определенным образом выражает общество. Идея юстиционного представительства, в котором на свой манер, в юрисдикционно-дискурсивной процедуре выявляются и формируются — помимо представительства народного, политического — правовые запросы, потребности, интересы, характеризует меняющуюся роль современного суда, который взамен глашатая закона становится

¹ См.: Кураев А. Протестантам о православии. Наследие Христа. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Христианская жизнь, 2007. С. 121–122.

² Впрочем, не всегда суду придается именно этот образ и даже, напротив, его слагаемые могут опровергаться и отвергаться верой в иные идеалы. Тогда, например, в независимости судебной власти могут усомниться по мотивам ошибочности и даже порочности, считая ее недопустимо теснящей идейные основы общественного уклада, покоящегося, к примеру, на роли партии и безусловной преданности ей. См.: Независимость судов признана в Китае вредной и ошибочной идеей. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3193503> (дата обращения: 17.01.2017).

³ См.: Кони А. Ф. На жизненном пути. Ревель; Берлин: Изд-во «Библиофиль», 1923. Т. 4: Публичные чтения и речи. С. 4.

⁴ См.: 5-й и 6-й абзацы преамбулы Бангалорских принципов поведения судей, одобренных резолюцией Экономического и Социального совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года // Резолюции и решения Экономического и Социального совета. Экономический и Социальный совет: официальные отчеты, 2006 г. Дополнение № 1. Нью-Йорк, 2007. С. 82–88. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/457/34/PDF/N0745734.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2016).

⁵ См.: п. 11 Заключения № 1 Консультативного совета европейских судей «О стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей» (CCJE (2001) OP № 1). URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&id=1053125&Site=COE&direct=true> (дата обращения: 01.12.2016).

проповедником права. Выбиваются из классических схем получающие распространение представления о том, что судебное решение «направлено не только на разрешение спора», но и «на формирование судебной практики, которая может предотвратить возникновение подобных споров в будущем и обеспечить сохранение социального баланса»¹; что оно играет «одновременно “нормативную” и “образовательную” роль, предоставляя гражданам соответствующее руководство к действию, информацию и уверенность в том, что касается закона и его применения»². Конституционная юстиция, более того, призвана задавать «будущее развитие всей правовой системы в определенном направлении»³. В этом вдохновляющая основа образа судебной миссии, питающего сакральные начала правосудия, которому вменяется гарантирующее и эволюционно-преобразовательное обеспечение конституционализма как публично-правовой и одновременно нравственно-этической категории⁴. Это обязывает ко многому, и не исключено, что к большему, чем правосудие способно вынести, оставаясь верным своей сути, а общество, твердое в демократическом настрое, будет готово в итоге принять.

Предпочтения, оказываемые индивидуализму (но не только они), благоприятствуют судебному правотворчеству, которое, однако, не избавлено от опасностей избыточного активизма и политизированного морализаторства, вменяющего интересы и ценности, не всегда разделяемые консенсуально. Следование суда тому, что именуют «духом народа», кажется созвучным демократическим принципам, но спиритуализм не располагает к рациональной коммуникации, а энтузиазм народности способен обессилить в своей ценности меньшинство, расположенные к идеям, наклонностям, формам самоопределения и самовыражения, отличным от общепринятых. Конституционный правопорядок, между тем, плохо переносит дефицит толерантности, как, впрочем, и циничную раскрепощенность, возведенную в культ.

Судебная практика не может, сохраняя верность идеалам народовластия, оставаться равнодушной к общественному мнению, но вовсе не обязана отзываться на его колебания буквально, причиняя ущерб верховен-

ству права и конституционализму — ценностям, превосходящим и связывающим народный суверенитет. Чайания, пусть даже резонные в социокультурной среде, но ослабляющие конституционную нормативность, которой общество изъявило желание следовать в своем учредительном акте, не должны получать судебного подкрепления. Многообещающее влияние справедливости в конституционном правопорядке, не ограниченное присущей конституционализму формальной мерой, затрудняет формирующие гражданственность проявления свободы, которая должна трактоваться непредвзято и нейтрально, не в угоду предрассудкам, свойственным социальной архаике. Отнюдь не любая религиозно-этическая концепция справедливости, бытующая в обществе, может быть сочтена конституционной, и ценности, получающие официальную поддержку в судопроизводстве, оправданны в юридическом смысле лишь тождеством конституционному строю, конституционным ценностям.

Стремление различить в правосудии нечто большее — поиск Правды, например, которую «узнает» судья, «раскрывая», а не только «прилагая» закон⁵, — требует умеренности в духе здравомыслия и прагматизма. Судебному правотворчеству, пожалуй, достаточно в числе своих оснований иметь верховенство конституции, правовую определенность, универсальность судебной защиты, для которой неясность, неполнота закона не могут служить помехой. Судебное правотворчество не возвышает суд над правосудием, превращая его в некий «квазисуд», а выражает суд как суд права, без чего правосудию сложно состояться. Погружение судебной власти в свойственные современному обществу противоречия, конфликты нравственно-этического, этноконфессионального, геополитического и иного характера является вызовом для правосудия, с репутацией которого нельзя обращаться расточительно. Неумолима верность праву как универсальному мерилу свободы, позволяющему, взывая к здравому смыслу, абстрагироваться от эмоционально неуравновешенной пассионарности, составляет то необходимое основание, держась на котором правосудие может ответить вновь обращенным к нему вызовам.

¹ См.: п. 7 Заключения № 11 Консультативного совета европейских судей «О качестве судебных решений» (ССЖЕ (2008) № 5) от 18 декабря 2008 г. // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2014. № 6 (06). С. 107.

² См.: п. 7 Заключения № 7 Консультативного совета европейских судей «По вопросу правосудия и общества» (СЖЕ(2005) ОР № 7) от 25 ноября 2005 г. // Прецеденты Европейского суда по правам человека : электрон. период. изд. 2014. № 4 (04). С. 108–119.

³ См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. Вып. 2. С. 106.

⁴ См.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2015.

⁵ См.: *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М.: Университетская типография, 1869. С. 156.